

Глава 5. Я не жалею

Жуань Сюлянь сердито посмотрела на сына:

— Что значит «в долг»? Мы одна семья, зачем такие слова?

Когда они только разделились, мужчин в доме было мало, жить было тяжело. Оба сына тогда ещё были детьми, но уже работали наравне со взрослыми: летом резали корм для свиней, зимой собирали хворост. В таком возрасте их руки уже покрылись мозолями.

Она любила и старшего, и второго сына одинаково. Когда старшая невестка рожала Ся гэра, роды были тяжёлыми. Чтобы спасти её, потратили немало серебра, а благодаря хорошему уходу после родов она быстро восстановилась.

Жуань Сюлянь достала половину ляна серебра и, заметив, что старшая невестка хочет что-то сказать, холодно бросила:

— Когда ты рожала, на тебя тоже ушло немало серебра.

Затем повернулась ко второму сыну:

— Иди одолжи у старосты бычью повозку. Ночью ехать непросто, будь осторожен.

— Понял, мама, — кивнул Лю Ху.

Лю Мэн добавил:

— Я поеду с братом.

— Хорошо, — согласилась Жуань Сюлянь. — Вдвоём безопаснее. Ночью ветер сильный, не забудьте взять одеяло.

Братья вернулись в дом за одеялом и поспешно вышли.

До уезда Ляньси было недалеко. На повозке можно было доехать меньше чем за полчаса. Но уже перевалило за час ю*, и большинство лечебниц в городе закрылись. Братья обошли весь уезд и только под конец нашли врача. Едва обменявшись парой слов, они поспешили обратно в деревню.

— Старший брат и второй брат вернулись! — Лю Сяомэй всё время прислушивалась к звукам снаружи и радостно вскрикнула, увидев повозку во дворе.

Тан Чуньсин, взглянув на спускающегося с повозки мужчину средних лет, удивлённо сказала:

— Почему такой молодой? Надеюсь, вы не привели ученика из лечебницы?

Лю Дашэн и его жена тоже волновались.

Чжоу Шуи привык к подобным взглядам и не обратил внимания. Он лишь спросил:

— Где больной?

— Мой супруг внутри. Доктор Чжоу, пожалуйста, посмотрите.

В комнате Сун Тинчжу уже пришёл в себя, но был настолько слаб, что не мог даже открыть глаза. Снаружи слышались шаги, затем дверь открылась и закрылась.

Вместе с вошедшими в комнату ворвался холодный ветер, заставив всех поёжиться.

Но в следующий момент на него осторожно набросили тёплое одеяло.

— Жена, я привёл тебе врача, — Лю Ху бережно взял его за запястье и отодвинулся, уступая место доктору.

Хотя Чжоу Шуи был молод, он получил хорошее обучение у наставника и даже несколько лет назад ездил в префектурный город. Просто такие семьи, как Лю, судили о врачах по возрасту.

Он закрыл глаза, сосредоточившись на пульсе. Его брови то сходились, то расслаблялись.

В глазах Тан Чуньсин он выглядел не как врач, а как шарлатан.

— Ты уверен, что вы с братом нашли надёжного врача? Он уже полчаса щупает пульс и ничего не говорит — не уснул ли? — шёпотом спросила она мужа.

У неё был громкий голос. Ей казалось, что она говорит тихо, но её слышали все.

Жуань Сюлянь бросила на неё недовольный взгляд, про себя ругая за бестактность. В этот момент доктор Чжоу заговорил:

— Ваш супруг... кажется, вовсе не болен.

Все, кроме Лю Ху, недоумённо переглянулись.

Как это — не болен? Он кашляет кровью, неужели это притворство?

Лю Ху, не отличавшийся сообразительностью, прямо спросил:

— Доктор Чжоу, что вы имеете в виду?

— Пульс беспорядочный: то быстрый, то медленный, иногда прерывается, словно птица клюёт зёрна. Это признак отравления медленно действующим ядом.

— От-отравление? — ноги Жуань Сюлянь подкосились. — Вы, должно быть, ошиблись. Какое ещё отравление?

В доме семьи Сун за ним хорошо ухаживали, а отравился он всего через день после того, как оказался у них. Если это станет известно, их семью закидают плевками.

Лю Мэн и Тан Чуньсин тоже запаниковали. Лю Дашэн, обычно молчаливый, шагнул вперёд:

— Доктор, осмотрите ещё раз. В наших местах никто никогда не травился. Вы, наверное, ошиблись.

— Тогда проверю ещё раз.

Чжоу Шуи снова взялся за пульс. На этот раз он не упомянул яд, лишь сказал, что с такой болезнью он мало что может сделать, и выписал укрепляющее средство для облегчения состояния.

Одна доза стоила три вэнь, в день требовалось две — выходило сто восемьдесят вэнь в месяц. У Тан Чуньсин защемило сердце, и она не удержалась:

— Что это за врач такой? Наш деревенский лекарь и то лучше.

— Следи за языком, — одёрнула её Жуань Сюлянь.

Ей самой казалось, что пользы от городского врача немного, но она лишь слегка отчитала невестку и велела братьям отвезти доктора обратно в уезд.

Ночью пошёл снег. Братья возвращались сквозь ветер и метель. Лю Ху, даже не стяхнув с себя снег, сразу понёс лекарства на кухню.

Когда вошла Жуань Сюлянь, он сказал:

— Мама, идите отдыхать. Я сам присмотрю за женой.

Жуань Сюлянь ответила:

— Хорошо. В котле на огне оставлены еда и горячие блюда, не забудь поесть. Мы с твоим отцом и невесткой уже поели. У твоего брата тоже есть, не переживай.

Лю Ху кивнул. Глядя на его широкую спину, Жуань Сюлянь вдруг ощутила, как защипало в носу.

Её второму сыну с детства не довелось пожить хорошо. Мэн-цзы ещё ел белые паровые булочки, когда был маленьким, а второй и третий сыновья даже не знали их вкуса. Теперь, когда он в двадцать лет женился, она думала: пусть семья бедна, но все трудолюбивы, и жизнь будет становиться лучше с каждым днём. Кто же знал, что бессердечный Сун Синъань решится на подмену?

— Мама?

— Да, — Жуань Сюлянь вытерла глаза. — В глиняном горшке есть рисовая каша. Твой супруг всё время спал, его нельзя было кормить. Если позже проснётся — подогрей и дай ему.

Лю Ху расплылся в простоватой улыбке:

— Спасибо, мама.

— За что спасибо? Завтра тебе рано вставать. Когда закончишь, иди отдохнуть.

Семья Лю жила в глиняном доме. Помимо чуть более просторной главной комнаты, где жили Жуань Сюлянь с мужем, восточная и западная комнаты были крошечными.

Младшая сестра Лю Линчжи раньше спала вместе с Лю Ху. Две доски для кровати, занавеска — и получалась маленькая «комната». Но чтобы освободить место для новой невестки, девочка сняла занавес и переехала к родителям.

Дом был маленький, звукоизоляции никакой. В западной комнате Сун Тинчжу, слушая, как постепенно затихают голоса, медленно открыл глаза.

В горле стояла невыносимая сухость и зуд. Он взглянул на глиняную чашу на низкой табуретке у кровати и, с усилием опираясь на руки, попытался дотянуться до неё.

Но, похоже, действие лекарства ещё не прошло. Его пальцы лишь коснулись края чаши, как силы покинули его, и он с глухим стуком упал обратно на постель.

— Жена!

Лю Ху вошёл с лекарством и, увидев это, поспешил к нему. На его простом лице читалось беспокойство.

— Я... кхе, кхе... я в порядке.

Сун Тинчжу был бледен, и ни о каком «в порядке» речи не шло. Лю Ху пристально смотрел на него, пока тот не отвернул голову. Только тогда он отвёл взгляд.

“Урчание...”

Сун Тинчжу на мгновение замер, осознав, что это за звук. Он инстинктивно прикрыл живот, сжимая простыню.

Он не ел весь день и давно был голоден. Теперь, чувствуя запах риса, он едва сдерживал слюну, а желудок предательски заурчал.

Он поджал губы, на щеках проступил лёгкий румянец, отчего он выглядел немного живее.

— Чего стоишь, как истукан?

Лю Ху никогда не видел такого красивого человека и на мгновение растерялся. Услышав слова Сун Тинчжу, он пришёл в себя:

— Я... принёс тебе лекарство.

В левой руке он держал чашу с лекарством, в правой — рисовую кашу. Вспомнив слова матери, он сначала протянул кашу.

Сун Тинчжу не взял её. Прислонившись к кровати, он слабо сказал:

— У меня нет сил.

На честном лице мужчины появилось замешательство. Сун Тинчжу уже собирался сказать яснее, как тот сам начал действовать.

Лю Ху поставил чашу с лекарством на табурет, сел на край кровати — и Сун Тинчжу рядом с ним показался совсем маленьким. Затем он зачерпнул ложкой мягкой каши и уверенно поднёс её к губам Сун Тинчжу.

— Я тебя покормлю.

Из-за долгих лет работы в поле кожа Лю Ху была тёмной, здоровой, характерного для крестьянина оттенка.

Сун Тинчжу, проживший много лет в уединённом дворе и редко видевший солнце, на его фоне казался ещё более хрупким.

Когда последняя ложка каши была съедена, перед ним поставили чашу с тёмным, горьким лекарством.

Он слегка нахмурился и отвернул лицо.

Он с детства не любил принимать лекарства. Каждый раз его уговаривали, чтобы он выпил. А теперь, покинув дом семьи Сун, рядом не было никого, кто бы стал его уговаривать.

Подумав об этом, он молча повернул голову обратно.

Семья Лю не была богатой, на его лечение уже потратили немало серебра. Он не был неблагодарным, но понимал — это лекарство бесполезно, лишь немного продлевает жизнь.

Пока он размышлял, Лю Ху увидел, что он замер. Решив, что тот, как его младшая сестра, боится горечи и не может проглотить, он поставил чашу и ушёл на кухню за сладкой водой из коричневого сахара.

Сун Тинчжу не понял, почему он вдруг ушёл. Он зажал нос и залпом выпил лекарство, а когда поднял глаза, увидел, что тот возвращается с чашей сладкой воды.

Лю Ху неловко сказал, держа глиняную чашу:

— Мы не покупали солодовый сахар. Когда через пару дней поедим с братом в город на работу, купим и привезём.

Солодовый сахар был редкостью. Даже зажиточные семьи, вроде старосты или старейшин рода, не покупали его каждый день — только на праздники, беря немного для угощения.

Семья Лю раньше тоже покупала, но в этом году дела шли плохо, и они сэкономили, взяв более дешёвый коричневый сахар, чтобы согреть всех на свадебном застолье. Но из-за произошедшего он так и не пригодился.

— Я не настолько привередлив.

Сун Тинчжу, разумеется, этого не знал. Выпив кашу, он почувствовал, что силы немного вернулись, и протянул руку к мужчине:

— Дай сюда.

Лю Ху не двинулся с места, лишь глупо уставился на него.

Лёгкая улыбка тронула губы Сун Тинчжу:

— Глупый, разве эта сладкая вода не для меня?

Услышав это, мужчина поспешно протянул глиняную чашу.

Сун Тинчжу сделал глоток.

В ней было достаточно тростникового сахара, и с первого же глотка горечь во рту заметно ослабла.

Он держал чашу обеими руками, не двигаясь. Заметив, что мужчина молча смотрит на него, пояснил:

— Слишком горячо... выпью, когда немного остынет.

Мужчина отвёл взгляд, подошёл к шкафу, достал старое, но чистое одеяло и укрыл его. Затем снова потянулся внутрь.

Через некоторое время он вернулся, держа в руках связку медных монет.

— Жена, это деньги, которые я заработал за эти годы в городе. Теперь ты будешь ими распоряжаться.

Боясь, что тот откажется, он прямо вложил несколько десятков монет ему в ладонь.

Сун Тинчжу замер, опустив взгляд на тяжёлые монеты в своей руке. В глазах вдруг защипало.

Маленький дом, любящий муж, послушный и милый ребёнок — с самого детства это была его мечта. Потом она стала недостижимой роскошью. А теперь, когда половина этой мечты сбылась, его жизнь подходит к концу.

Неужели небеса просто издеваются над ним?

Если так — зачем заставлять живых напрасно тревожиться?

Пальцы Сун Тинчжу дрогнули, и монеты выскользнули из его ладони, опрокинув стоящую рядом чашу со сладкой водой. Липкая жидкость стекала по его пальцам, тяжело ударяя по сердцу, разбивая вдребезги все его несбыточные надежды.

Красная свадебная свеча ещё не догорела. Сун Тинчжу бессильно прислонился к груди своего новобрачного мужа, а тот бережно вытирал его руку.

— Мне осталось недолго жить. Ты жалеешь, что женился на мне?

— Не жалею. Я знаю только, что ты — моя жена. Я буду усердно работать, зарабатывать деньги и отвезу тебя в город к врачу, — нахмурился Лю Ху; на его простом лице читались искренность и упрямство. — Доктор Чжоу сказал, что если не жалеть денег, тебя можно вылечить.

— Глупый... мою болезнь не вылечат обычные врачи.

— Тогда поедem в уездный город. Если не получится — я отвезу тебя в столицу.

Сун Тинчжу с усилием улыбнулся:

— Я никогда не был в столице.

— Я отвезу тебя туда.

— Хорошо.

Только, боюсь, у меня уже не будет такого шанса...

*соответствует времени с 17:00 до 19:00

<http://bllate.org/book/17218/1611196>